

Суббота, 17 июля 2004 года. В некой психиатрической клинике.

Вэнь Юй поставил две чашки на стол. Он взглянул на карман Нин Нин.

— Ты не ответишь?

С того момента, как она села, ее телефон в кармане звонил без остановки.

Нин Нин снова заглушила звонок и беспомощно ответила:

— Это поклонник. Он использует самоубийство как предлог, чтобы заставить меня встретиться с ним.

Вэнь Юй хмыкнул.

— Ты пойдешь?

— Я не хочу, — вздохнула Нин Нин. Она встала и сказала, — Но мне нужно идти... спасибо за хризантемовый чай.

Нин Нин открыла дверь и вышла. Примерно через минуту в дверь постучал сотрудник, держа в руке электрический чайник.

— Доктор Вэнь, чай готов.

Клиент уже ушел, достаточно и одной чашки чая.

Чай с золотистыми лепестками цветов был налит в чашку.

Вэнь Юй поднял брови и посмотрел в ту сторону, куда ушла Нин Нин. Странно, как она узнала, что это чай с хризантемой?

Конечно, Нин Нин знала.

Ведь это уже третий раз, когда Нин Нин входила в кабинет Вэнь Юя.

В первый раз она отказалась отвечать на звонок. Во второй раз она отказалась уходить. В итоге, когда она выпила хризантемовый чай, она возвращалась в начало.

Кто бы мог подумать, что Чжан Синь Ай на самом деле заботится об добром и невинном мальчишке? Ей пришлось ответить на звонок и встретиться с ним.

— Алло, — Нин Нин ответила на звонок, выйдя из клиники. Она беспомощно сказала, — Перестань реветь, я не понимаю, что ты говоришь.

— Ты не отвечаешь на мои звонки, — голос Ли Шань Чжу охрип от слез. — Я думал, что ты будешь игнорировать меня вечно.

— Разве я вчера тебе не говорила? Я плохо себя чувствовала, мне пришлось сделать небольшую операцию в больнице, — объяснила Нин Нин.

— Тогда почему ты не сказала мне, в какой больнице ты находишься? Почему ты не разрешила мне навестить тебя? — Ли Шань Чжу задал ей вопрос, — Кто... кого ты попросила отвезти тебя?

В сердце Нин Нин возникло предчувствие, она выдавила из себя улыбку и ответила:

— Почему я не могла пойти одна?

Ли Шань Чжу молчал.

— ...Хорошо, — Нин Нин посмеялась про себя. — Как я могла в одиночку отправиться в больницу.

Ее слабость и беззащитность использовались для снискания сочувствия у мужчин, как она могла скрывать свою боль и плакать в гордом одиночестве?

— ...Где ты? Я сейчас приеду и заберу тебя, — Ли Шань Чжу, казалось, не хотел больше узнавать ответ на этот вопрос, он начал допытываться ответа, которого хотел больше всего.

— Все в порядке, я возьму такси...

— Где ты находишься? — не успела она договорить, как Ли Шань Чжу прервал ее. Он повторил сказанное, словно одержимый, — Я приеду и заберу тебя.

Нин Нин в нетерпении назвала адрес клиники.

Ли Шань Чжу быстро приехал на такси. Выйдя из машины, он бросился к Нин Нин, схватил ее за запястье и повел назад.

— Не так быстро, — Нин Нин подумала, что его поведение сейчас слишком странно.

Она отдернула руку.

— Уже так поздно, давай поужинаем, прежде чем вернемся.

Шедший впереди Ли Шань Чжу замер на месте. Он медленно повернул голову, его взгляд потускнел. Он изо всех сил пытался выдавить из себя свою обычную простую и чистую улыбку.

— Разве ты не говорила, что хочешь попробовать мою готовку? Пойдем, я приготовлю для тебя.

Ли Шань Чжу был очень искусен.

Вернувшись домой, из кухни донесся аромат запеканки из рыбьих голов и вопрос Ли Шань Чжу:

— Сколько чили ты хочешь?

— ...Без разницы, — небрежно ответила Нин Нин.

Раздались быстрые звуки измельчения. Абсолютно обычные звуки шинковки овощей - в это время, в этом месте - почему-то заставили волосы Нин Нин встать дыбом.

Когда на стол поставили последнее блюдо - запеканку из рыбьих голов, Нин Нин осмотрела шесть блюд и один суп на столе, затем подняла глаза на Ли Шань Чжу, который сидел напротив нее.

Он надел цветастый фартук, что придавало ему немного милый вид. Он взял палочками кусочек белоснежной рыбы и поднес его ко рту Нин Нин.

— Старшая сестра Сяо Ай, попробуй мою готовку.

Хотя у Нин Нин было предчувствие задолго до этого, как желудок заболел, она была удивлена и разъярена.

— ...Зачем ты это сделал? — она держалась за живот, ей было так больно, что она покрылась холодным потом. — Почему ты отравил еду?

— Потому что я знаю, — Ли Шань Чжу медленно подошел к ней и салфеткой тщательно вытер пот на лице. — Неважно, насколько хороша моя еда, ты никогда не согласишься стать моей девушкой.

Нин Нин закашлялась кровью.

— Прости, прости, — Ли Шань Чжу вытирал салфеткой кровь с губ, счастливо улыбаясь. — Я тоже поем, я скоро присоединюсь к тебе.

— Ты, ты не должен сопровождать... — Нин Нин выкашляла еще одну порцию крови. — На самом деле я переселилась...

Крах характера персонажа, возвращение к началу.

Она снова вышла из психиатрической клиники, ее снова привел домой Ли Шань Чжу, снова на столе появилась запеканка из рыбьих голов.

Нин Нин вздохнула. Она не стала пробовать рыбу с палочек, а мягко сказала:

— Я буду твоей девушкой.

Палочки дернулись, и рыба выпала.

Нин Нин поднялась и, подойдя к нему, аккуратно обняла.

— Даже если бы ты накормил меня ужином с острым мясом, я бы все равно согласилась стать твоей девушкой, — сказала она с ласковой заботой, — Важно не то, что я съем, а человек, приготовивший для меня. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

— ...Старшая сестра Сяо Ай, — тихонько позвав, Ли Шань Чжу уткнулся лицом в ее плечо.

Что-то вонзилось в живот Нин Нин, а затем быстро вытащилось.

Нин Нин опустила взгляд и увидела, что живот стал походить на протекающий кран, где кровь непрерывно вытекала. Ли Шань Чжу держал окровавленный нож и молча стоял напротив нее, белый цветастый фартук окрасился в красный от свежей крови.

— Почему... ты хочешь убить меня? — в недоумении спросила Нин Нин, — Я согласилась... быть твоей девушкой.

— Но я знаю, что ты лжешь, — Ли Шань Чжу с горечью смотрел на нее, — Точно так же, как ты лгала брату, лгала старшему брату Хаю, лгала Сяо Кэ...

Он перевернул нож и вонзил себе в живот. Он не вытащил оружие, а раскрыл руки и обнял Нин Нин. Рукоятка ножа упиралась в живот Нин Нин, а лезвие все глубже погружалось в живот Ли Шань Чжу.

— Но даже так, я все равно хочу услышать обман, — плача и всхлипывая, Ли Шань Чжу крепко обнял Нин Нин, — Скажи мне, что я тебе нравлюсь. Умоляю тебя, Сяо Ай, соври мне...

— ...Вы, непокорные подданные, хотите принести вред государю!

Крах характера персонажа, возвращение к началу.

Нин Нин вышла из психиатрической клиники. На этот раз Нин Нин категорически отказалась уходить вместе с Ли Шань Чжу.

— Я все еще чувствую себя неважно, — Нин Нин предусмотрительно держалась на расстоянии от него. — Я только что разговаривала с доктором, он сказал мне вернуться в больницу для повторного осмотра.

Ли Шань Чжу разочарованно опустил голову, и отросшая чёлка скрыла его выражение лица.

— ...Понятно.

— Прости, — Нин Нин посмотрела на часы и изобразила беспокойство. — Уже почти назначенное время, я пойду.

Она успела сделать всего несколько шагов, как со спины на нее бросилась фигура и с силой обхватила ее.

Оба они упали на дорогу, прямо перед мчащимся автобусом...

— Сердце остановилось.

— Готовьте дефибриллятор. Разряд, 200 джоулей.

— Хорошо, разобрались!

Нин Нин медленно открыла глаза, свет замерцал перед ее глазами и вызвал головокружение, прошло очень много времени, прежде чем она слабо спросила:

— Который час?

Доктор и медсестры продолжали работать. Одна из медсестер ответила ей:

— С вами все будет хорошо, не волнуйтесь.

— Который... час? — снова спросила Нин Нин, — Выходные прошли?

— Нет, — медсестра пояснила, — Сейчас вечер субботы, почти восемь.

Казалось, ответ высосал из Нин Нин все силы, и зрение снова стало расплывчатым.

Она все еще жива. А как же Ли Шань Чжу? Они не только отлетели, когда их сбил автобус, но и были задавлены другим автомобилем. В этот момент Нин Нин чувствовала себя как кусок мяса на разделочной доске, превращающийся в фарш с очень медленной скоростью.

— Плохо, ее сердце снова остановилось.

— Дай мне осмотреть...

Мало того, что ее зрение помутнело, голос врача отдалялся все дальше и дальше.

Что за шутка, как она могла умереть сейчас? Как она могла погибнуть до начала выходных? Нин Нин с трудом открыла рот и сказала врачу и медсестрам:

— Я не Чжан Синь Ай, я - Нин Нин...

Крах характера персонажа, возвращение к началу.

Возвращение вновь и вновь, смерти снова и снова. Однажды Нин Нин воспользовался возможностью вызвать полицию, пока он готовил на кухне. Когда полиция приехала, не успела Нин Нин открыть дверь, как Ли Шань Чжу уже поджег газовый баллон на кухне.

В тот раз Нин Нин чуть не погибла.

Понадеявшись на «Trump for 2017» для спасения себя, Нин Нин взяла в руки нож для фруктов и уставилась на Ли Шань Чжу, который стоял перед ней.

Ли Шань Чжу принес из кухни запеканку из рыбьих голов и был ошеломлен. Он спросил с улыбкой:

— Старшая сестра Сяо Ай, ты желаешь моей смерти?

Он осторожно положил запеканку из рыбьих голов на стол, издав резкий звук. По какой-то причине этот звук напомнил Нин Нин тот момент, когда на кухне взорвался газовый баллон. Она вскрикнула, подняв нож в руке, и направила его на Ли Шань Чжу.

— ...Старшая сестра Сяо Ай, — Ли Шань Чжу подошел к ней после неловкого молчания. — Твоя рука сильно дрожит.

— Не подходи! — Нин Нин слегка вскрикнула, рука с ножом подрагивала.

Это был ужас, страх или нерешительность?

— ...Неужели у меня нет выбора? — Нин Нин не знала, кого она спрашивает - его или себя, — Умру ли я, если не убью тебя?

Но кто она такая, чтобы убивать кого-то вместо Чжан Синь Ай?

— ...Неужели ты не можешь просто сдаться? — Нин Нин уже забыла, сколько раз она задавала этот вопрос, она обратилась с еще более мягким, жалостливым и умоляющим голосом, — Тебе обязательно убивать меня?

— Кроме смерти... — Ли Шань Чжу медленно достал кухонный нож и улыбнулся ей. — У нас нет других способов быть вместе.

Суббота, 17 июля 2004 года. В психиатрической клинике.

Вэнь Юй поставил на стол две чайные чашки. Он взглянул на карман Нин Нин.

— Ты не ответишь?

С того момента, как она села за стол, телефон в кармане куртки звонил без остановки. Она не сбрасывала звонок, но и не отвечала. Она так и сидела в оцепенении, пока в дверь не постучал

сотрудник с электрическим чайником в руках.

— Доктор Вэнь, чай готов.

Вэнь Юй налил чай в стоящую чашку.

Аромат чая распространился по комнате, золотистые лепестки закрутились на поверхности чашки.

— Триста шестьдесят два.

Что? Вэнь Юй посмотрел на Нин Нин.

Нин Нин опустила взгляд на чашку:

— Это триста шестьдесят вторая чашка хризантемового чая.

Все, что повторяется слишком долго, заставляет человека чувствовать себя пресыщенным, оцепеневшим, маниакальным, сломленным, и тогда он либо взрывается, либо умирает.

Нин Нин медленно взяла чашку с хризантемовым чаем. Но не стала пить. Только почувствовав запах, она отвернулась, и ее вырвало.

Такая бурная реакция заставила Вэнь Юя заподозрить, что чай отравлен или что у нее аллергия на хризантему.

— Сяо Чжан, Сяо Чжан, подойдите на минуту, — он с тревогой позвал сотрудника, тот забрал чайник и чашки на столе и ушел. Затем он открыл окно, чтобы проветрить комнату.

Прошло десять минут, прежде чем Нин Нин восстановила дыхание.

— Ты в порядке? — обеспокоенно спросил Вэнь Юй.

Он тщательно обдумал ситуацию: скорее всего, та сцена на крыше была притворством, а что теперь? Неужели она снова притворяется? Притворялась ли она больной, чтобы вызвать жалость?

Нин Нин оперлась на подлокотник дивана. Она медленно подняла на него глаза с очень странным выражением, с болью и виной, с эмоцией, которую трудно описать словами, похожей на то, как цветок пробивается сквозь землю, неясное, резкое и полное борьбы.

— Я даже не смогла пережить один день, — Нин Нин посмотрела на Вэнь Юя с ошеломленным выражением лица. — Как... он выдержал двадцать семь лет?

Камера медленно отдалилась.

В кинотеатре Жизни ее ошеломленное выражение было показано на большом экране, отражаясь в глазах единственного зрителя.

Ши Чжун Тан сидел на зрительском месте. Нефритовая маска скрывала мимику и выражение, — единственное, что было видно, это маска, освещенная белым светом экрана.

А вокруг темнота и хаос.

Он сидел на резном стуле, вероятно, это был единственный стул, оставшийся целым в кинотеатре Жизни – все остальные стулья были сломаны и валялись на полу. В помещение стало грязно, как на свалке, изначально старый и разваливающийся кинотеатр теперь еще больше обветшал.

Крики, удары прутьев друг о друга, глухой плач – но Ши Чжун Тану было все равно, его полностью заворожил человек в фильме. Он смотрел на экран, не сводя взгляда, ожидая следующей реплики.

— Двадцать семь лет? О ком ты говоришь?

— О твоём брате, Ши Чжун Тане.

<http://tl.rulate.ru/book/52113/2885163>